

27.00.7.544.

Рисунки

465 / III

Особый протоколъ

засѣданія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета 22 августа 1915 г. по разсмотрѣнiю предложенiя г. профессора М. А. Сиринова о замѣнѣ нѣмецкаго преподавательскаго языка на Богословскомъ Факультетѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета русскимъ государственнымъ языкомъ или даже о полномъ упраздненiи этого факультета.

Присутствовали : Ректоръ Университета П. П. Пусторослевъ и профессоры : Г. А. Адольфи, А. А. Алексѣевъ, В. Г. Алексѣевъ, Н. Н. Боголюбовъ, С. К. Богушевскiй, А. М. фонъ Бульмерингъ, Т. Т. Ганъ, К. Ю. Гиргенсонъ, П. П. Граве, К. К. Грассъ, К. К. Дегио, В. П. Жуковскiй, О. Г. Зеземанъ, А. С. Игнатовскiй, И. И. Квачала, М. Е. Красноженъ, М. Н. Крашениниковъ, Д. Н. Кудрявскiй, В. П. Курчинскiй, Г. А. Ландезенъ, И. И. Лаппо, А. Г. Люткевичъ, Л. К. Мазингъ, С. Д. Михновъ, А. С. Невзоровъ, Б. В. Никольскiй, Я. Ф. Озе, Е. В. Пѣтуховъ, В. Э. Регель, В. Я. Рубашкинъ, А. И. Садовскiй, К. К. Сентъ-Илеръ, М. А. Сириновъ, Б. И. Срезневскiй, О. В. Тарановскiй, В. Е. Тарасенко, А. И. Томсонъ, Э. Р. Фельсбергъ, А. Л. баронъ Фрейтагъ-Лоринговенъ, В. О. Чижъ, Л. А. Шалландъ, Е. А. Шепилевскiй, А. И. Яроцкiй. Отсутствовали профессоры : В. Э. Грабаръ — по болѣзни ; А. С. Царевскiй — по служебнымъ дѣламъ ; В. А. Афанасьевъ, Н. Н. Бурденко, Н. Н. Вестенрикъ, Д. М. Лавровъ, К. Д. Покровскiй, М. И. Ростовцевъ, В. Г. Цѣге фонъ Мантейфель — по случаю нахождения въ командировкѣ ; А. Д. Богоявленскiй,

Н. К. Грунскій, М. И. Догель, И. Л. Кондаковъ, Е. В. Тарле — по случаю отъезда.

Г. Ректоръ прочелъ Совѣту предложеніе г. профессора М. А. Сиринова относительно Богословскаго Факультета слѣдующаго содержанія:

„Въ Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета предложеніе.

До сихъ поръ на Теологическомъ Факультетѣ лекціи читаются на нѣмецкомъ языкѣ. Между тѣмъ подавляющее большинство населенія состоитъ изъ эстовъ и латышей, для которыхъ нѣмецкій языкъ является совершенно чуждымъ и ненужнымъ. Въ виду этого честь имѣю предложить Совѣту возбудить ходатайство о замѣнѣ нѣмецкаго языка преподаванія на Теологическомъ Факультетѣ русскимъ, или даже о полномъ упраздненіи факультета, не имѣющаго, по моему убѣжденію, никакихъ достаточныхъ основаній для своего существованія.

1914 г. 15 сентября.

Проф. М. Сириновъ“.

Совѣтомъ постановлено: по заявленію г. г. профессоровъ М. А. Сиринова и П. П. Граве, — составить по этому дѣлу особый протоколъ, а по заявленію г. г. профессоровъ М. Е. Красножена и Б. В. Никольскаго, — по утверженіи этого протокола Совѣтомъ, напечатать его въ Ученыхъ Запискахъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета.

Затѣмъ приступлено къ обсужденію предложенія профессора Сиринова. Слово предоставлено профессору Сиринову.

Проф. М. А. Сириновъ: Въ развитіе своего предложенія имѣю честь представить Совѣту нижеслѣдующія соображенія.

Было бы большою ошибкою думать, что я вообще противъ существованія теологическаго факультета въ составѣ университетскаго преподаванія. Совершенно напротивъ. По моему мнѣнію, теологическій факультетъ имѣетъ полное право на существованіе, — но какой? Такой, гдѣ все преподаваніе ведется въ духѣ университетскомъ, гдѣ совершенно объективно, *sine ira et studio* изучаются религіозныя переживанія всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Отвѣчаетъ ли этимъ требованіямъ нашъ теологическій факультетъ? Конечно, нѣтъ. Это — узкое, чисто конфессіональное учрежденіе, изучающее исключительно только одно религіозное теченіе и рассматривающее всѣ остальные религіи подъ угломъ именно этого одного міровоззрѣнія. Совсѣмъ не по праву

носить онъ свое названіе и настоящій его титулъ былъ бы ПРОТЕСТАНТСКІЙ БОГОСЛОВСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ ЮРЬ-ЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. Но въ такомъ случаѣ ему не мѣсто въ Университетѣ. Дабы не вводить публику въ искушеніе, ибо она можетъ подумать, что протестантское богословіе есть чисто научное религіозное міровоззрѣніе, почему и помѣщено въ Университетѣ, — его слѣдуетъ поставить совершенно особнякомъ, какъ это сдѣлано съ конфессіональными учебными заведеніями другихъ религій: православной, католической, магометанской и другихъ. Иначе является совершенно непонятнымъ, почему при Университетѣ не существуетъ теологическаго православнаго факультета, католическаго, магометанскаго, буддійскаго и т. д.

На тотъ однако случай, если бы эта аргументація показала Совѣту почему-либо не убѣдительною, я буду настаивать на второй части своего предложенія, на замѣнѣ нѣмецкаго языка преподаванія русскимъ и буду настаивать на этомъ со всею рѣшительностью, на какую только способенъ. Я знаю, что противъ этого предложенія раздаются возраженія и справа, и слѣва. Слева говорятъ, что оно нарушаетъ принципъ охраненія правъ національнаго меньшества. Это возраженіе я понимаю и я его принимаю. Я вполне раздѣляю это начало, но именно потому, что я всегда защищалъ, защищаю и буду защищать великій и благородный принципъ, о которомъ идетъ рѣчь, я и поддерживаю свое предложеніе. Въ самомъ дѣлѣ, по даннымъ переписи 1897 г., — даннымъ, конечно, устарѣлымъ, но единственно сколько-нибудь достовернымъ, — среди всего лютеранскаго населенія Россіи нѣмцы составляли менѣе 50%. Очень значительно было число эстовъ и латышей и, къ моему удивленію, поляковъ; встрѣчаются протестанты и среди другихъ народностей Имперіи. Я думаю, что при такихъ условіяхъ заставлятъ всѣхъ этихъ эстовъ, латышей, поляковъ и др. учиться на нѣмецкомъ языкѣ, — на языкѣ имъ ненавистномъ, — является самымъ грубымъ нарушеніемъ ихъ національныхъ правъ. Идеальнымъ рѣшеніемъ проблемы было бы такое, когда каждая нація могла бы учиться на своемъ родномъ языкѣ, когда, слѣдовательно, при Университетѣ можно было бы открыть факультеты нѣмецкій, латышскій, эстонскій, польскій и т. д. Но не трудно видѣть, что такого рода рѣшеніе наталкивается на чисто практическія затрудненія. Для организаціи всѣхъ этихъ факультетовъ требуется очень много средствъ, которыхъ у государства нѣтъ. Да едва ли какой-либо Университетъ и пошелъ

бы на такое разбуханіе одного своего факультета. Приходится давать компромиссное рѣшеніе. Приходится дѣлать выборъ между языками, причемъ всего цѣлесообразнѣе, — изъ боязни оскорбленія какой-либо національности, — остановить свой выборъ на какомъ-либо нейтральномъ для нихъ всѣхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на всѣмъ извѣстномъ языкѣ. Полагаю, что въ русскомъ государствѣ такимъ языкомъ можетъ быть только русскій. Въ качествѣ языка государственнаго, его обязаны знать всѣ народы, населяющіе Россію; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду совершенно ничтожнаго числа послѣдователей протестантизма среди русскихъ, онъ не можетъ быть использованъ въ интересахъ стороннихъ, ничего общаго съ религіей не имѣющихъ. Но тутъ мы наталкиваемся на возраженіе справа, ибо съ этой стороны высказывается опасеніе, что, если будетъ допущено преподаваніе протестантизма на русскомъ языкѣ, будетъ нанесенъ существенный вредъ православной религіи, которая даже можетъ совершенно исчезнуть. Признаюсь, большаго оскорбленія для православной религіи трудно придумать. Я, потомственный почетный поповичъ, получившій спеціальное богословское образованіе, хорошо знакомый съ религіознымъ настроеніемъ православныхъ массъ, смѣю увѣрить, что православная религія не такъ плоха и тысячелѣтіемъ выработанныя условія религіозной жизни не такъ хрупки, чтобы рушиться, какъ карточный домъ, — стоитъ лишь только нѣмцамъ заговорить о своей религіи по-русски, — да еще теперь, когда ненавистью ко всему нѣмецкому пропитанъ каждый русскій человѣкъ отъ головы до пятъ. Впрочемъ возраженіе это, если даже допустить, что оно имѣетъ долю правды, несомнѣнно покоится на простомъ недоразумѣніи, и къ настоящему случаю отношенія не имѣетъ: я говорю вѣдь не о позволеніи нѣмцамъ вести пропаганду на русскомъ языкѣ, хотя никакого вреда въ этомъ не вижу, а всего лишь о реформѣ языка университетскаго преподаванія будущимъ пасторамъ. Какая тутъ опасность создается для русской религіи, я, по правдѣ сказать, не понимаю.

Есть еще одно соображеніе въ пользу замѣны нѣмецкаго языка преподаванія русскимъ, — соображеніе повелительно диктуемое переживаемымъ нами моментомъ. Вотъ мы сейчасъ обсуждаемъ вопросъ о возможной эвакуаціи Университета въ Нижній Новгородъ или въ Ярославль. Спрашиваю всѣхъ тѣхъ, которые знакомы съ настроеніемъ Россіи, да еще въ такихъ русскихъ центрахъ какъ Нижній Новгородъ, какъ Ярославль, допускаютъ ли

они, чтобы тамъ могли бы сейчасъ нѣмецкіе профессора читать по-нѣмецки? Да изъ нихъ сдѣлаютъ котлеты и бросятъ ихъ въ Волгу на съѣденіе рыбамъ. Если профессора богословскаго факультета это обстоятельство игнорируютъ, это ихъ дѣло. Но, полагаю, на насъ лежитъ моральный долгъ оградить и Университетъ и нашихъ товарищей съ Богословскаго Факультета отъ дикихъ и опасныхъ эксцессовъ.

Закрываю. Я былъ бы очень радъ, если бы было принято мое предложеніе объ отдѣленіи теологическаго факультета отъ Университета. Но на крайній случай былъ бы доволенъ и тогда, если бы Совѣтъ согласился поддержать мое второе предложеніе.

Профессоръ К. Ю. Гиргенсонъ: Если совѣтъ дѣйствительно желаетъ войти въ серьезное обсужденіе предложенія профессора Сиринова, то я предложилъ бы передать это дѣло сперва на разсмотрѣніе Богословскому Факультету, чтобы факультетъ могъ выработать и представить Совѣту обоснованное подробное письменное мнѣніе. Приводимые тамъ аргументы могутъ быть потомъ приняты или опровергнуты другими членами Совѣта. Пока такого основательнаго мнѣнія факультета нѣтъ, очень трудно высказаться по такому сложному дѣлу. Поэтому я ограничиваюсь нѣкоторыми короткими принципиальными замѣтками, которыя, быть можетъ, уместны уже при сегодняшнемъ обсужденіи вопроса. Профессоръ Сириновъ ставилъ вопросъ, почему существуетъ въ Россіи именно протестантскій богословскій факультетъ, а не православные или католическіе факультеты. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ исторія. Всѣмъ извѣстно, что протестантизмъ, согласно исторіи его возникновенія, больше всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій стремится къ тѣсной связи именно съ высшимъ университетскимъ образованіемъ. Поэтому евангелическо-лютеранская церковь въ принципѣ никогда не допускала для своихъ проповѣдниковъ образованія ниже университетскаго. Вслѣдствіе этого я могу заявить: въ какой бы то ни было формѣ евангелическо-лютеранская церковь послѣ войны будетъ существовать въ Россійской имперіи, она во всякомъ случаѣ будетъ требовать отъ своихъ проповѣдниковъ университетскаго образованія. Если вы лишите лютеранъ возможности дать своимъ проповѣдникамъ соотвѣствующее традиціи лютеранской церкви образованіе, то вы тѣмъ по неволѣ заставите будущихъ пасторовъ искать своего образованія въ другомъ мѣстѣ. Я сомнѣваюсь, будетъ ли для нашей имперіи выгодно и желательно, если она такимъ образомъ потеряетъ нынѣ существующій государ-

ственный контроль надъ ходомъ высшаго образованія будущихъ пасторовъ, и если прекратится то сильное вліяніе русскаго образованія, которому въ настоящее время подвергаются профессора и студенты богословія какъ составныя части организма русскаго университета. Я поэтому думаю, что и въ настоящее время является мудрымъ и не устарѣвшимъ ВЫСОЧАЙШЕЕ мнѣніе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, высказанное имъ въ 1897 году по поводу того же вопроса, нами сегодня обсуждаемаго. ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было высказаться такимъ образомъ: „Я думаю, что въ такомъ случаѣ пасторовъ, пожалуй, станутъ выписывать изъ-за границы. Будетъ ли это лучше?“ (см. Предложеніе Мин. Нар. Просв. отъ 19 іюня 1897 г. за № 16135, сообщенное университету предложеніемъ Г. Попечителя Рижскаго Учебнаго Округа отъ 30 іюня 1897 г. за № 4323). Я просилъ бы господь коллегъ руководиться и въ настоящее время высказанной тогда ВЫСОЧАЙШЕЙ волею.

Профессоръ Б. В. Никольскій: Я высказываюсь рѣшительно и безусловно противъ сдѣланнаго предложенія.

Г. Сириновъ говорилъ въ своей мотивировкѣ о возраженіяхъ, которыя предвидитъ со стороны правыхъ. Будучи правымъ въ теченіе всей моей сознательной жизни и близко зная всю идеологію моихъ единомышленниковъ, я положительно утверждаю: со стороны правыхъ г. Сириновъ не услышитъ ничего подобнаго тому, что предвидитъ. Это докажетъ вся моя рѣчь. Ни со взглядами, ни съ понятіями правыхъ г. Сириновъ видимо незнакомъ даже въ отдаленной степени, или считаетъ правыми тѣхъ, кто на самомъ дѣлѣ правымъ совершенно не извѣстенъ.

Предложеніе г. Сиринова заставило меня пережить глубоко печальныя минуты. Я давній общественный дѣятель, въ теченіе многихъ лѣтъ участвовавшій въ самыхъ разнообразныхъ собраніяхъ, совѣщаніяхъ, организаціяхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, по преимуществу культурно-просвѣтительнаго характера. И вотъ, опираясь на весь свой опытъ, я привыкъ думать, слышать и вѣрить, что въ Россіи, при недостаточномъ развитіи въ ней образованія, всякое учебное заведеніе является драгоцѣннѣйшимъ учрежденіемъ, которое при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ встрѣтитъ поддержку, опору, сочувствіе и помощь. Я привыкъ вездѣ слышать, что въ Россіи было бы преступленіемъ допустить однажды открытое учебное заведеніе до необходимости закрыться. И вотъ дожилъ, на пятомъ десяткѣ лѣтъ, до такого дня, когда на Совѣтѣ Универ-

ситета, среди профессоровъ, прозвучало прямыми словами предложеніе у п р а з д н и т ь богословскій факультетъ. Мнѣ остается только надѣяться, что, какъ ни прискорбенъ самъ по себѣ этотъ неизгладимый въ нашихъ лѣтописяхъ фактъ, голосованіе покажетъ, до какой степени внесенное предложеніе чуждо и всему Совѣту, и всѣмъ его членамъ, отъ перваго до послѣдняго.

Съ другой стороны это предложеніе болѣзненно напомнило мнѣ, что я русскій общественный дѣятель. Я счастливъ, господа, что по крови принадлежу къ великому народу, въ наши дни грудью отстаивающему христіанскую цивилизацію отъ натиска дикаго варварства; я счастливъ, что мыслю, говорю и пишу на лучшемъ, на благороднѣйшемъ языкѣ человѣчества. Я привыкъ думать, что для всѣхъ инородцевъ русскій языкъ — благодатный даръ, обогащающій ихъ лучшій духовный міръ, углубляющій ихъ развитіе и возвышающій ихъ человѣческое достоинство. Съ прискорбіемъ и негодованіемъ слышу я поэтому предложеніе, которое считаетъ русскій языкъ орудіемъ насилія, разрушенія, у п р а з д н е н і я. Намъ предлагаютъ сегодня упразднить цѣлый факультетъ или, по крайней мѣрѣ, ввести на немъ преподаваніе на русскомъ языкѣ: намъ предлагаютъ признать, что введеніе преподаванія на русскомъ языкѣ замѣняетъ уничтоженіе учебнаго заведенія! Съ горячимъ негодованіемъ протестую противъ такого оскорбленія русскому языку.

Однако, и это не самое худшее въ сдѣланномъ намъ предложеніи: всего хуже, по моему, то, что предложеніе г. Сиринова несогласимо съ началами вѣротерпимости. Ст. 67 Основныхъ законовъ, провозглашая ихъ, рѣшительно настаиваетъ, „да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языками по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе Россійскихъ Монарховъ и моля Творца вселенной о умноженіи благоденствія и укрѣпленіи силы Имперіи“. Даже въ нынѣшнее время, когда господствуетъ суровая военная необходимость, когда запрещено публичное пользованіе нѣмецкимъ языкомъ, это запрещеніе не коснулось ни богослуженія, ни проповѣди. Разумѣется, богословскій факультетъ не церковь, наука не молитва; но все же ни военной, ни административной необходимости въ запрещеніи нѣмецкаго преподаванія не усматривается. Спрашивается, въ такомъ случаѣ, кому же нуженъ русскій языкъ для преподаванія лютеранскаго богословія? Полякамъ, эстамъ, латышамъ желательны ихъ родные языки; а русскихъ лютеранъ не существуетъ.

Проф. Спиринъ: Съ 1905 года есть много.

Проф. Никольскій: Ни съ 1905 года, ни раньше, ни позже, русскихъ лютеранъ, нуждающихся въ русскомъ преподаваніи на богословскомъ факультетѣ, не было и нѣтъ и никого они не просили хлопотать о введеніи такого преподаванія. Если же русскій языкъ самъ по себѣ никому изъ лютеранъ не нуженъ, то ясно, что его можно вводить съ единственною цѣлью — вытѣснить языкъ нѣмецкій, лишитъ нѣмцевъ ихъ родного языка въ преподаваніи ихъ родной вѣры, и притомъ однихъ нѣмцевъ, въ угоду минутъ и политическимъ страстямъ, нарушая начала вѣротерпимости, требующія каждой вѣрѣ сохранять ея родной языкъ.

Будутъ ли спорить, что нѣмецкій языкъ родной языкъ для лютеранства? Самое названіе лютеранства напоминаетъ намъ вождя протестантизма, Лютера, не только нѣмца, не только переводчика Св. Писанія на нѣмецкій языкъ, но и одного изъ типичнѣйшихъ, основныхъ представителей нѣмецкаго духа и въ дурномъ, и въ хорошемъ, нѣмца изъ нѣмцевъ, если можно такъ выразиться. Далѣе, ни русской, ни польской, ни эстонской, ни латышской научной литературы по лютеранскому богословію, сколько я знаю, не существуетъ, если не считать популярныхъ компиляцій, а нѣмецкая богословская наука является одной изъ богатѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ въ мірѣ. Наконецъ, и исторически мѣстные инородцы (кромѣ православнаго меньшинства) получили христіанство отъ нѣмцевъ. Какою цѣною, какими средствами, — вопросъ другой: недаромъ, возлюбивъ Христа, они такъ неодолимо возненавидѣли Его тевтонскихъ проповѣдниковъ, насаждавшихъ христіанство огнемъ и мечемъ, убійствами, грабежами, разбоемъ, порабощеніемъ вольныхъ племенъ и вообще сплошнымъ насиліемъ. Мученіе Св. Исидора Юрьевскаго и вмѣстѣ съ нимъ пострадавшихъ за православіе напоминаетъ и намъ, русскимъ, что значитъ просвѣщеніе, насаждаемое нѣмецкими руками. И все же истины Евангелія пришли къ мѣстному населенію отъ нѣмцевъ. Конечно, пришли онѣ первоначально въ видѣ католичества; но именно быстрота и легкость, съ которыми въ мѣстномъ населеніи совершился переходъ къ лютеранству, свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что насадителями христіанства съ запада здѣсь были нѣмцы. Вспомните развалины собора Св. Діонисія, хранящія нашу Библіотеку: вотъ что оставило мѣстное населеніе отъ католичества.

Такимъ образомъ, я считаю неоспоримымъ, что нѣмецкій языкъ, чуждый полякамъ, эстамъ и латышамъ лютеранамъ, есть

языкъ, родной ихъ вѣрѣ и, если можно такъ выразиться, родной ихъ богословію и его преподаванію. Лишать вѣру и ея изученіе родного ей языка несомнѣнно значитъ нарушать основы вѣротерпимости и въ такомъ насиліи нѣтъ ничего русскаго. Самое запрещеніе у насъ публичнаго пользованія нѣмецкимъ языкомъ отнюдь не имѣетъ злобнаго нѣмецкаго характера: оно преслѣдуетъ единственную цѣль — предотвратитъ возможные столкновенія на почвѣ обостреннаго національнаго и патріотическаго чувства. Это запрещеніе стремится къ тому, чтобы предупредить на площади, на улицѣ, на большой дорогѣ грубыя излишества черни, преступныя погромы. Но чему же мы, господа, сегодня были свидѣтелями? Не на площади, не на большой дорогѣ, но здѣсь, въ Совѣтѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета, передъ зеркаломъ закона, сулили нашимъ товарищамъ погромы за преподаваніе ихъ вѣры на ея родномъ языкѣ! Разумѣется, никто изъ насъ въ эти посулы не вѣритъ, и я убѣжденъ, что результаты нашего голосованія достаточно о томъ засвидѣтельствуютъ; но не могу не заявить самаго рѣшительнаго протеста противъ столь недопустимыхъ въ нашей средѣ прорицаній и аргументацій.

Я долженъ, впрочемъ, замѣтить, что мнѣ довелось слышать и еще доводъ въ пользу предложенія г. Сиринова, — правда, не въ залѣ Совѣта, но все же здѣсь въ Университетѣ, въ профессорской комнатѣ. На мое заявленіе о неумѣстности и безнадежности этого предложенія мнѣ возразили, что само Министерство Народнаго Просвѣщенія предрѣшило вопросъ въ томъ же духѣ и смыслѣ, а стало быть это предложеніе смѣло можно вносить и поддерживать, какъ своевременное и имѣющее всѣ шансы на успѣхъ. Однако, позвольте мнѣ быть увѣреннымъ, что ничье нравственное чувство здѣсь не примирится съ такими приѣмами убѣжденія.

Да, мы ведемъ сейчасъ войну съ союзомъ германскихъ имперій и азіатскихъ державъ. Этотъ союзъ тевтонской и азіатской дикости попираетъ всѣ начала челоуѣчности, всѣ законы божескіе и челоуѣческіе, глумится надъ народностями и вѣроисповѣданіями, кощунствуетъ, святотатствуетъ, насилуетъ и грабитъ, явно отвергаетъ всѣ христіанскія начала культуры, самъ себя постыдно вычеркиваетъ изъ рядовъ культурнаго челоуѣчества; но это безобразное одичаніе цѣлыхъ націй уполномочиваетъ ли насъ на такое же нравственное паденіе? Постыдныя приѣмы враговъ затемняютъ ли нашу совѣсть до такой степени, чтобы мы унизились до ихъ уровня? Я вѣрю, что за русскій народъ можно смѣло от-

вѣтвить: никогда! Но если такъ мы поступимъ на полѣ брани, то унизимся ли мы до идейнаго угнетенія нашихъ мирныхъ и честныхъ согражданъ нѣмецкаго происхожденія? Будемъ ли мы давить и притѣснять противника со связанными руками, сколько бы грѣховъ и провинностей ни насчитывали въ его прошломъ? А между тѣмъ, чѣмъ лояльнѣе, чѣмъ благонамѣреннѣе наши сограждане нѣмецкаго происхожденія, тѣмъ крѣпче въ сегодняшнемъ спорѣ связаны ихъ руки, стѣснены ихъ рѣчи. Я всегда стоялъ и стою за самыя крутыя мѣры противъ всѣхъ нелояльныхъ нѣмцевъ, но я столь же рѣшительно стою противъ ихъ утѣсненія на нѣмецкій ладъ. Наша задача цивилизовать и просвѣщать нѣмецкіе элементы, а не кидаться въ тотъ омутъ политическаго утѣснительства, въ который насъ тянетъ примѣръ единоплеменныхъ имъ недруговъ Россіи.

Я кончаю мое затянувшееся слово. Какъ ни бушуютъ политическія страсти и разнузданныя стихіи вселенской борьбы, мы не должны быть ихъ игралищемъ. Между тѣмъ, они спутываютъ все окружающее. Въ ихъ круговоротѣ становится неправымъ то, что въ другое время право. Я самъ въ другое время не сталъ бы вспоминать многого, что счелъ долгомъ напомнить теперь, дабы намъ, принявъ слишкомъ скорое рѣшеніе, не пришлось потомъ его стыдиться и брать обратно. Мы здѣсь, конечно, не церковь, но мы и не площадь, не участокъ, не политическая арена; мы не храмъ Божій, но мы все же святилище науки. Внутреннія страстями временныя мѣры, неизбежныя внѣ нашихъ стѣнъ, намъ были бы непростительны: мы должны принимать долговѣчныя, устойчивыя рѣшенія. Мы, по сравненію великаго мыслителя, должны свѣтомъ истины и тепломъ человѣчности отвѣчать на всѣ настроенія минуты, какъ солнечный лучъ, который перерѣзаетъ любой ураганъ въ любомъ направленіи и котораго никакой ураганъ не въ состояніи поколебать ни на мгновеніе.

Въ послѣднемъ итогѣ полагаю, что Совѣтъ долженъ безусловно отвергнуть внесенное г. Сириновымъ предложеніе и въ этомъ смыслѣ подаю мой голосъ.

Проф. Сириновъ: Я прошу профессора Никольскаго удостовѣрить, что слова, будто бы сказанныя ему о томъ, что вопросъ объ отдѣленіи теологическаго факультета отъ Университета встрѣчаетъ сочувствіе въ Министерствѣ и потому это дѣло можетъ сейчасъ рассчитывать на успѣхъ, исходили не отъ меня.

Проф. Никольскій: Я не упоминалъ имени, но разъ

Вы заявляете такое желаніе, то не обвинуюсь удостовѣрить Совѣту, что приведенныя мною слова слышалъ въ профессорской комнатѣ именно отъ г. Сиринова.

Проф. Сириновъ: Я заявляю, что я этихъ словъ не говорилъ и, если проф. Никольскій на этомъ будетъ настаивать, я буду вынужденъ назвать вещи ихъ именами.

Проф. Никольскій: Я всегда называю вещи ихъ именами и потому вторично удостовѣряю, что приведенныя мною слова были мнѣ сказаны г. Сириновымъ. Если онъ придаетъ двусмысленное значеніе моему выраженію „слова“, то подчеркиваю, что смыслъ сказаннаго имъ былъ именно таковъ, какъ я передалъ. Если же, имѣя въ виду то или другое отдѣльное слово, имъ произнесенное или не произнесенное, г. Сириновъ отрицаетъ самый фактъ произнесенія имъ довода, вполне точно мною воспроизведеннаго, то со своей стороны утверждаю, что фактъ этотъ былъ. Что касается въ такомъ случаѣ опроверженія г. Сиринова, то смѣло предоставляю Совѣту, которому я достаточно, надѣюсь, извѣстенъ, вѣрить, кому изъ двухъ пожелаетъ, г. Сиринову или мнѣ. Дальнѣйшій же споръ считаю бесполезнымъ.

Ректоръ: Полагаю, что Совѣтъ не имѣетъ возможности сдѣлать выбора, такъ какъ не можетъ опредѣлить, какія слова были сказаны проф. Сириновымъ и правильно ли они были поняты проф. Никольскимъ.

Проф. Сириновъ: Я еще разъ категорически утверждаю, что я этихъ словъ никому не говорилъ.

Ректоръ: Я прошу проф. Сиринова говорить въ очередь. Слово принадлежитъ проф. Граве.

Проф. Граве: Я уступаю свою очередь проф. Сиринову.

Проф. Сириновъ: Я очень благодаренъ проф. Граве за то, что онъ далъ мнѣ возможность возразить двумъ предшествовавшимъ ораторамъ немедленно. Ту аргументацію, которую развилъ проф. Гиргенсонъ, я не могу считать удобной потому, что онъ позволилъ себѣ вмѣшаться въ нашъ споръ Высокое Имя ГОСУДАРЯ. Всѣмъ понятно, какое неудобство создается въ такомъ случаѣ для оппонентовъ. Этотъ пріемъ едва ли умѣстенъ еще и потому, что онъ не достигаетъ цѣли. Независимо отъ того, что ни я, ни проф. Гиргенсонъ, ни кто-либо другой не знаютъ, что сказалъ бы ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ объ этомъ предложеніи теперь, спустя двадцать лѣтъ; я полагаю, что проф. Гиргенсонъ, впавъ въ большую ошибку, не желая понять или не понимая моего

предложенія. Я вовсе не стремлюсь уничтожить теологическій факультетъ, я только предлагаю отдѣлить его отъ Университета и образовать изъ него самостоятельное высшее учебное заведеніе, — въ крайнемъ случаѣ замѣнить нѣмецкій языкъ преподаванія русскимъ. При такихъ условіяхъ никакой нужды въ привозѣ нѣмецкихъ пасторовъ изъ-за границы не будетъ, они будутъ воспитываться, какъ и теперь, въ предѣлахъ Россіи. Перехожу къ проф. Никольскому. Я не знаю, заслуживаетъ ли полемики человекъ, который въ концѣ своей рѣчи самъ заявляетъ, „въ другой разъ и при другихъ условіяхъ я самъ буду горячо защищать предложеніе Сиринова“. Человекъ, который съ одинаковой горячностью и одинаковымъ „убѣжденіемъ“ защищаетъ сегодня одно, а завтра другое, едва ли можетъ рассчитывать на какое-либо вниманіе со стороны своихъ оппонентовъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какая рѣчь и какіе приемы! Проф. Никольскій обвиняетъ меня въ томъ, что я поднимаю руку на учено-учебное учрежденіе, желаю его уничтожить. Да когда же я это говорилъ? Развѣ объ уничтоженіи теологическаго факультета идетъ рѣчь, а не о развертываніи его въ спеціальное высшее учебное заведеніе, или въ крайнемъ случаѣ о замѣнѣ нѣмецкаго языка русскимъ? И развѣ я призывалъ здѣсь къ погрому и грозилъ имъ, а не просто констатировалъ фактъ, съ которымъ намъ необходимо считаться? И развѣ о запрещеніи молиться нѣмцамъ по-нѣмецки говорилъ я, а не о реформѣ, всего только, университетскаго преподаванія, имѣющей своею цѣлью дать возможность не нѣмцамъ и учиться, и молиться на эстонскомъ, на латышскомъ, на польскомъ или на какомъ-либо другомъ языкѣ, а не на ненавистномъ имъ языкѣ вѣковъ угнетателей. Но довольно о проф. Никольскомъ. Вы видите, съ кѣмъ Вы имѣете дѣло. Я прошу у господина Ректора разрѣшенія дать мнѣ мѣсто въ спискѣ ораторовъ на тотъ случай, если бы здѣсь были высказаны противъ моего предложенія соображенія, заслуживающія вниманія.

Профессоръ Э. Фельсбергъ: Переживаемое нами тяжелое время не благопріятствуетъ спокойному обсужденію поднятаго проф. Сириновымъ вопроса, и, поэтому, не удивительно, что въ только что произнесенныхъ рѣчахъ слышалась нѣкоторая нотка страсти. Если дѣло зависѣло бы отъ меня, то я предпочелъ бы отложить обсужденіе этого вопроса до болѣе спокойнаго времени, но разъ уже онъ поднятъ, то не могу по нему не высказаться и я, такъ какъ онъ интересуется меня не только какъ

профессора, но и какъ латыша и протестанта. — Проф. Сириновъ предлагаетъ на богословскомъ факультетѣ нашего университета ввести русскій языкъ. Мнѣ кажется, что, по чисто научнымъ предметамъ этого факультета, его предложеніе приеменно: читать на русскомъ языкѣ церковную исторію и толковать Ветхій и Новый Заветъ едва ли труднѣе, чѣмъ вести занятія по соответствующимъ предметамъ историко-филологическаго факультета. Кроме того, нужно имѣть въ виду и то, что уже и теперь для многихъ кончившихъ гимназію латышей, эстонцевъ и поляковъ богословскій факультетъ закрытъ, потому что они недостаточно владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ, а въ будущемъ такихъ будетъ еще гораздо больше. Замѣною нѣмецкаго языка русскимъ это затрудненіе легко можетъ быть устранено. Что же касается догматическихъ предметовъ и практическаго богословія, то, конечно, необходимо, чтобы каждый студентъ богословія имѣлъ возможность изучать ихъ на томъ языкѣ, на которомъ ему впослѣдствіи придется проповѣдывать, и эти предметы, поэтому, должны читаться параллельно на языкахъ нѣмецкомъ, латышскомъ, эстонскомъ и польскомъ.

Но если предложеніе проф. Сиринова ввести на богословскомъ факультетѣ нашего университета русскій языкъ, съ небольшимъ ограниченіемъ, дѣйствительно соответствуетъ требованіямъ времени, то предложеніе его совершенно упразднить этотъ факультетъ или отдѣлить его отъ университета мнѣ кажется весьма неудачнымъ, такъ какъ на богословскомъ факультетѣ нашего университета читается цѣлый рядъ чисто научныхъ предметовъ, какъ напр., семитскіе языки, которые интересуютъ и студентовъ другихъ факультетовъ. Тѣсная связь между богословскимъ факультетомъ и университетомъ очень важна и для будущихъ пастырей, такъ какъ, благодаря ей, они имѣютъ возможность уже на университетской скамьѣ ознакомиться съ главнѣйшими теченіями въ области другихъ наукъ и выработать себѣ болѣе цѣльное міровоззрѣніе. Можетъ быть недалекъ уже тотъ моментъ, когда при всѣхъ университетахъ Россіи будутъ существовать богословскіе факультеты, хотя, конечно, не протестантскіе, а православные; при Юрьевскомъ университетѣ, однако, который находится въ мѣстности, почти исключительно населенной протестантами, слѣдовало бы сохранить протестантскій богословскій факультетъ.

Итакъ я предлагаю: богословскій факультетъ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ университетѣ сохранить, но преподаваніе на немъ вести на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ догма-

тики и практическаго богословія, которыя должны быть преподаваемы на языкахъ народностей Россіи, исповѣдующихъ лютеранство.

Профессоръ *Ө. В. Тарановскій*: Языкъ преподаванія на богословскомъ факультетѣ и общее положеніе этого факультета представляютъ собою вопросъ весьма важный и крайне сложный. Это вопросъ не только академическій, но и общегосударственный, связанный съ цѣлымъ рядомъ другихъ политическихъ вопросовъ, каковы: положеніе евангелическо-лютеранской церкви въ Россіи, свобода религіознаго обученія на родномъ языкѣ и установленіе въ этомъ отношеніи равноправія между различными народностями, исповѣдающими лютеранство. Въ виду этого вопросъ этотъ долженъ обсуждаться всесторонне и, главное, совершенно безпристрастно. Нынѣ переживаемое время войны съ нѣмцами отнюдь не можетъ быть признано подходящимъ для безпристрастнаго обсуждения и рѣшенія вопроса о предѣлахъ преподаванія лютеранскаго богословія на нѣмецкомъ языкѣ. Что это такъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ теченіе преній въ сегодняшнемъ засѣданіи. И авторъ предложенія, и члены Совѣта, возражавшіе ему, неоднократно высказывали сужденія по данному вопросу не съ точки зрѣнія внутренней государственной политики, къ которой относится данный вопросъ по существу, а съ точки зрѣнія политики внѣшней, съ точки зрѣнія переживаемой нами войны. Такая замѣна политики стратегіей по существу не правильна. Дѣлу одолѣнія внѣшняго врага она никакой пользы принести не можетъ, а внутреннюю государственную жизнь можетъ безъ надобности осложнить какимъ либо рѣшеніемъ, которое можетъ быть принято подъ вліяніемъ возбужденныхъ войною страстей. Во избѣжаніе недостаточно объективнаго и недостаточно безпристрастнаго рѣшенія вопроса въ настоящее военное время я рѣшительно высказываюсь за отклоненіе предложенія проф. *М. А. Сиринова*.

Въ рѣчи проф. *М. А. Сиринова* сдѣлано было указаніе, въ качествѣ прогноза или прорицанія, на возможный, въ случаѣ эвакуаціи нашего университета въ Нижній Новгородъ, погромъ лицъ, преподающихъ на нѣмецкомъ языкѣ. Глубоко сожалью, что такого рода прорицаніе раздалось въ стѣнахъ нашего совѣтскаго зала. Полагаю, что, разъ предложеніе сопровождалось въ устной рѣчи подобнымъ прорицаніемъ, оно должно быть отклонено самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Профессоръ *П. П. Граве*: Принимая во вниманіе сказанное предыдущими ораторами, и между прочимъ профессоромъ

Никольскимъ, я могу сказать, что въ то время, когда въ виду предпринимаемой Университетомъ, по случаю создавшагося военного положенія, эвакуаціи Университета въ другой городъ, вродѣ Нижняго Новгорода, куда уже выѣхали наши депутаты, — изъ предосторожности отъ разграбленія Университетскаго имущества и, между прочимъ, фундаментальной библіотеки, современными цивилизаторами — нѣмцами, предстоитъ ломка всей университетской жизни ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета, ни о какомъ, яко бы нарушеніи со стороны русскихъ гражданъ правъ въ отношеніи подданныхъ нѣмецкаго происхожденія; — при осуществленіи мѣропріятій, обусловливаемыхъ условіями переживаемаго военного времени, — каковы бы они не были, — при всемъ миролюбіи русскаго народа, — въ настоящее время войны не можетъ быть и рѣчи. При такихъ обстоятельствахъ нѣмцы могутъ быть для насъ хорошими учителями и намъ было бы, при всемъ нашемъ христіанскомъ міровоззрѣніи, недурно брать съ нихъ примѣръ, — конечно, не въ смыслѣ ихъ мошеннической, достаточно охарактеризованной практикуемымъ ихъ правительствомъ шпіонствомъ, политики, или въ отношеніи производимыхъ ими на театрѣ войны нарушеній всѣхъ международныхъ договоровъ и звѣрствъ; — но и при неизмѣнномъ направленіи въ чисто національномъ духѣ государственной политики въ занимаемыхъ областяхъ. Принимая, поэтому, во вниманіе уже введенное нѣмцами въ жизнь совершенное изгнаніе русскаго языка въ школахъ, занятыхъ нѣмцами мѣстъ въ Курляндіи и др., гдѣ въ школахъ сохраненъ только мѣстный — народный или нѣмецкій, а въ занятыхъ мѣстахъ Курляндіи и Польши о русскомъ не можетъ быть и рѣчи, — я находилъ бы самое возбужденіе вопроса объ употребленіи въ стѣнахъ высшаго учебнаго заведенія языка, изгнаннаго сложившимися условіями переживаемаго Россією времени изъ стѣнъ другихъ правительственныхъ учрежденій, или болѣе чуткимъ къ своему національному дѣлу и долгу, — простымъ народомъ съ самыхъ улицъ городовъ Россійской Имперіи, — совершенно недопустимымъ и противуестественнымъ.

Профессоръ А. М. фонъ Бульмерингъ: Мнѣ кажется, что изъ введенія преподаванія богословскихъ наукъ на государственномъ языкѣ могутъ произойти нѣкоторыя неудобства. Для объясненія названныхъ неудобствъ долгомъ приѣмлю указать прежде всего на статьи 252—255 Св. Зак. т. XI, ч. I, Уст. Духов. Дѣлъ Иностр. Исповѣд., изд. 1896 г.

Въ сихъ статьяхъ сказано слѣдующее.

252. Евангелическо-Лютеранская Церковь въ Россійской Имперіи исповѣдуетъ ученіе, основанное на Пророческихъ и Апостольскихъ писаніяхъ Ветхаго и Новаго Завѣта, и объясняющими оныя Символическими книгами признаетъ Апостольскій, Никейскій и Аѳанасіевскій Символы Вѣры, Неизмѣненное Аугсбургское Вѣроисповѣданіе, и прочія, внесенныя въ Собраніе, извѣстное подъ наименованіемъ *Liber Concordiae*.

253. Никто изъ членовъ Евангелическо-Лютеранской Церкви въ Имперіи не долженъ позволять себѣ распространять словесно или письменно мнѣнія, противныя ученію сей Церкви.

254. Евангелическо-Лютеранскіе проповѣдники, при вступленіи въ должность, обязываются присягою проповѣдывать и поучать согласно съ правилами своей Церкви.

255. Профессоры и учителя Закона Божія, Церковнаго Права, Церковной Исторіи и всѣхъ частей Богословія въ учебныхъ заведеніяхъ, для образованія Лютеранскаго юношества учрежденныхъ, должны принадлежать къ Евангелическо-Лютеранской Церкви, и также, при вступленіи въ должность, обязываются присягою наставлять и преподавать согласно съ правилами Церкви своей.

Приведенный текстъ ст. 252—255 не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ того, что профессоры богословскихъ наукъ обязаны неотступно придерживаться того ученія, которое изложено въ Символическихъ книгахъ Ев.-Лютеранской Церкви.

Въ ст. 252 Символическія книги не всѣ перечислены, названа только общая совокупность ихъ, извѣстная подъ наименованіемъ „*Liber Concordiae*“. Въ составъ „*Liber Concordiae*“ входятъ: 1) три вселенскихъ символа:

a) *symbolum apostolicum*, b) *symbolum Nicaenum*, c) *symbolum Athanasii contra Arianos sive Symbolum Quicumque*;

2) цѣлый рядъ символовъ, принадлежащихъ исключительно Ев.-Лютеранской Церкви, а именно: a) *Confessio Augustana*, b) *Apologia Confessionis Augustanae*, c) *Articuli Smalcaldici*, d) *Catechismus minor*, e) *Catechismus major*, f) *Formula Concordiae*.

Оффиціальный текстъ всѣхъ этихъ названныхъ на второмъ мѣстѣ, символическихъ книгъ существуетъ на двухъ языкахъ: на латинскомъ и на нѣмецкомъ.

На сколько мнѣ извѣстно, пока не существуетъ русскаго оффиціального текста символическихъ книгъ.

За отсутствіемъ же такового, профессора богословскихъ наукъ

совершенно лишены возможности, согласно данной присягѣ, преподавать и наставлять согласно ученію Ев.-Лютеранской Церкви, которое основано не только на Св. Писаніи, но и на Символическихъ книгахъ.

За отсутствіемъ оффиціального русскаго текста Символическихъ книгъ, всякій профессоръ, законоучитель и проповѣдникъ будетъ вынужденъ самъ составить переводъ.

При такомъ положеніи дѣлъ можетъ въ концѣ концовъ оказаться результатъ, что вмѣсто общаго для всѣхъ ученія окажется у всѣхъ своя собственная форма ученія, профессоръ Гиргенсонъ будетъ иначе переводить, чѣмъ проф. Грассъ, а проф. Ганъ иначе, чѣмъ Вашъ покорный слуга.

Поэтому вопросъ о введеніи преподаванія богословскихъ наукъ на государственномъ языкѣ, по моему мнѣнію, можетъ быть возбужденъ не раньше, какъ послѣ установленія оффиціального текста Символическихъ книгъ. Для установленія же такового текста потребовалось бы собрать примѣнительно къ статьямъ 699—711 Св. Зак., т. XI, ч. I, Уст. Дух. Дѣлъ Ин. Исп., съ ВЫСОЧАЙШАГО разрѣшенія, по усмотрѣнію и созыву Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, „Генеральный Синодъ“.

Въ самой тѣсной связи съ только что охарактеризованными неудобствами стоитъ еще и рядъ другихъ. Равно какъ у насъ нѣтъ еще оффиціального текста Символическихъ книгъ, еще пока не имѣется и научной лютеранской богословской литературы на русскомъ языкѣ. Отсутствіе названной литературы объясняетъ и неимѣніе пока литературной богословской терминологіи.

Я самъ испыталъ это обстоятельство. Хотя я совершенно свободно говорю по-русски, но тѣмъ не менѣе всегда бывалъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе, когда приходилось вести на русскомъ языкѣ разговоры богословскаго содержания съ кѣмъ-либо изъ г. г. коллегъ другихъ факультетовъ; я въ такомъ случаѣ всегда бывалъ вынужденъ просить разрѣшенія пользоваться нѣмецкими или латинскими терминами.

Въ случаѣ введенія преподаванія лютеранскихъ богословскихъ наукъ на русскомъ языкѣ, намъ, профессорамъ богословія ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета, пришлось бы создавать собственными силами новую русскую терминологію.

Въ состояніи ли мы исполнить эту задачу? Едва-ли!

Созданная ad hoc отдѣльными лицами терминологія, по всей вѣроятности, оказалась бы недостаточнымъ деревяннымъ суррогатомъ.

Языкъ нигдѣ и никогда не вырабатывается искусственнымъ путемъ кабинетной работы, но всегда и повсюду органически развивается на почвѣ народной жизни.

Равнымъ образомъ и богословская терминологія и богословскій научный языкъ могутъ развиваться только медленно и постепенно на почвѣ общей церковной жизни. Пока же церковная жизнь лютеранскихъ приходовъ еще не представляетъ собою той почвы, на которой могъ бы развиваться государственный языкъ въ томъ или другомъ направленіи.

Я пока говорилъ только о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми пришлось бы имѣть дѣло намъ, профессорамъ. Но нельзя забыть и о студентахъ, для которыхъ ведется преподаваніе.

Современная лютеранская богословская литература главнымъ образомъ пишется на языкѣ Лютера, т. е. на языкѣ нѣмецкомъ; кромѣ того существуетъ еще и литература на языкахъ тѣхъ народовъ, которые приняли протестантское исповѣданіе: есть литература на англійскомъ и голландскомъ языкахъ, въ извѣстной, хотя и ограниченной мѣрѣ, и на языкахъ французскомъ, шведскомъ и датскомъ.

Языки французскій и англійскій большинству студентовъ не знакомы; въ еще гораздо меньшей мѣрѣ языки шведскій, голландскій и датскій. Такимъ образомъ изъ всей богословской литературы студентамъ фактически доступна только литература нѣмецкая. Такимъ образомъ нѣмецкіе учебники являются единственными, которыми студенты могутъ пользоваться. Кажется лишнее еще особенно подчеркнуть то крайнее затрудненіе, въ которое будетъ поставленъ студентъ, вынужденный готовиться съ одной стороны по нѣмецкимъ учебникамъ, а съ другой стороны слушать лекціи и сдавать экзамены на государственномъ языкѣ.

Научный подъемъ отъ такого антитеза едва-ли получится. При этомъ считаю долгомъ присовокупить, что знаніе нѣмецкаго языка для всякаго лютеранскаго богослова прямо *conditio sine qua non*.

Сочиненія Лютера, за исключеніемъ нѣкоторыхъ латинскихъ его произведеній, всѣ написаны по-нѣмецки; по-нѣмецки же написаны и самыя выдающіяся сочиненія богословской литературы.

Знаніе нѣмецкаго языка еще въ особенности „*conditio sine qua non*“ для лютеранскихъ богослововъ Россійской Имперіи.

За исключеніемъ Финляндіи въ предѣлахъ Россійской Имперіи во всѣхъ приходахъ обязательно проповѣдь и богослуженіе

ведутся и на нѣмецкомъ языкѣ; будущему проповѣднику поэтому необходимо знать церковный нѣмецкій языкъ, а въ особенности нѣмецкую церковную терминологию.

Повторяю вкратцѣ приведенные мною факты: 1) отсутствіе русскаго текста лютеранскихъ Символическихъ книгъ (символовъ вѣры), который только можетъ быть установленъ Генеральнымъ Синодомъ съ ВЫСОЧАЙШАГО разрѣшенія, 2) отсутствіе лютеранской богословской терминологіи на русскомъ языкѣ, которая по существу дѣла не можетъ быть выработана ad hoc, 3) отсутствіе богословской лютеранской литературы, которая не можетъ быть создана въ одинъ моментъ и въ которой равнымъ образомъ нуждаются профессоры и студенты.

Въ виду всего этого мнѣ кажется, вопросъ о введеніи преподаванія лютеранскаго богословія на русскомъ языкѣ пока является преждевременнымъ, — и поэтому пока долженъ бы быть отложенъ.

Профессоръ И. И. Квачала: Хотя и не чувствую себя въ атмосферѣ зала довольно хорошо, я не могу не сказать нѣсколько словъ въ пользу предложенія г. Сиринова. Вопросъ о богословскомъ факультетѣ важенъ и съ политической точки зрѣнія, какъ поведеніе германскаго правительства въ „культуркампфѣ“, и свидѣтельствуетъ о его заботахъ о полученіи вліянія въ католическихъ семинаріяхъ. Я этой стороны вопроса касаться не желаю. Для меня, въ моей богословской дѣятельности, рѣшающее значеніе имѣютъ интересы церкви. Если бы евангелическая церковь состояла изъ однихъ нѣмцевъ, то съ церковной точки зрѣнія противъ нѣмчизны на ея богословскомъ факультетѣ едва ли могла быть рѣчь. Но нѣмцы въ церкви нашей въ миноритетѣ; а не нѣмцамъ теперь, чтобы могли быть пасторами, придется изучить еще одинъ языкъ. Желалъ бы я, чтобы г. Никольскій присутствовалъ вчера на экзаменѣ изъ историческаго богословія, чтобы онъ могъ видѣть, какъ придется бороться не нѣмцамъ съ чуждымъ имъ языкомъ. И зачѣмъ это, когда есть языкъ, извѣстный всѣмъ слушателямъ, именно русскій, который всѣ должны въ средней школѣ хорошо изучить! Конечно, полезенъ и нѣмецкій языкъ при штудіумѣ, но теперь вѣдь требуется отъ студентовъ богослововъ, чтобы они нѣмецкія лекціи слушали, нѣмецкіе экзамены держали, нѣмецкія сочиненія писали! Какимъ естественнымъ или позитивнымъ правомъ требуется это отъ нихъ?

Отложить вопросъ до конца войны, какъ г. Тарановскій при

польской кафедрѣ предлагалъ, не целесообразно; наши факультетскія вещи въ высшихъ инстанціяхъ и такъ идутъ медленно; вотъ отъ рѣшенія относительно эстонскихъ и латышскихъ кафедръ уже девять лѣтъ миновалось, гдѣ онѣ? Требования коллегъ Фельсберга и Озе относительно народныхъ языковъ вполне справедливы. Какъ я раньше письменно уже высказался, съ церковной точки зрѣнія были бы желательны даже цѣлыя факультеты, эстонскій, латышскій, польскій и нѣмецкій, — я готовъ въ этомъ объемѣ поддерживать и подчеркивать и нѣмецкій факультетъ, — никакой вражды, какъ здѣсь нѣкоторые думаютъ, къ нѣмецкому языку не чувствую: но пока такое основаніе трехъ или четырехъ факультетовъ неосуществимо, я другого выхода, какъ преподаваніе теоретическихъ богословскихъ наукъ на русскомъ языкѣ, не вижу. Практическое же богословіе на народныхъ языкахъ я и теперь готовъ поддерживать и буду голосовать за принятіе дополненія коллегъ Фельсберга и Озе.

Если предложеніе въ этомъ смыслѣ Совѣтъ приметъ, я не полагаю неизбѣжнымъ или нужнымъ отдѣлить факультетъ отъ Университета.

Профессоръ Я. Ф. Озе: Въ наши пренія, къ сожалѣнію, внесена нѣкоторая страстность, между тѣмъ какъ подлежащій обсужденію вопросъ допускаетъ безстрастное, вполне объективное освѣщеніе. Прежде всего я долженъ замѣтить, что вопросъ о языкѣ преподаванія на богословскомъ факультетѣ не находится ни въ какой связи съ вопросомъ о вѣротерпимости. Никто не собирается нѣмцевъ лютеранъ лишить права молиться въ своихъ церквахъ на нѣмецкомъ языкѣ, а также обучать своихъ дѣтей Закону Божію на своемъ же языкѣ. Рѣчь идетъ исключительно о томъ, на какомъ языкѣ вести преподаваніе на богословскомъ факультетѣ, въ виду того, что на немъ слушаютъ лекціи не только нѣмцы, но также и поляки, литовцы, латыши и эстонцы. Спрашивается, почему студенты богословія, принадлежащіе къ указаннымъ различнымъ народностямъ, должны слушать всѣ лекціи обязательно на нѣмецкомъ языкѣ? Такое привилегированное положеніе нѣмецкаго языка не вытекаетъ изъ существа дѣла, а обусловлено чисто историческими, случайными причинами; это остатокъ своеобразныхъ порядковъ того сравнительно недавняго времени, когда нѣмецкій языкъ въ Прибалтійскомъ краѣ игралъ роль государственнаго языка, когда преподаваніе въ школахъ и въ университетѣ на всѣхъ факультетахъ велось на нѣмецкомъ языкѣ.

Если же посмотрѣть на вопросъ по существу, если въ особенности имѣть въ виду то обстоятельство, что существующій богословскій факультетъ имѣетъ своею задачею подготовленіе проповѣдниковъ не только для нѣмецкихъ, но также и для польскихъ, латышскихъ и эстонскихъ приходо́въ, потому что невозможно создать особыя факультеты для каждой изъ этихъ народностей, — то нѣтъ даже вопроса: ясно, что и на богословскомъ факультетѣ языкомъ преподаванія долженъ быть государственный языкъ, языкъ русскій, для всѣхъ понятный и для всѣхъ обязательный, причемъ лишь по кафедрѣ практическаго богословія слѣдовало бы вести преподаваніе на всѣхъ тѣхъ языкахъ, на которыхъ происходитъ богослуженіе въ лютеранскихъ церквахъ въ Россіи. Преобразование богословскаго факультета въ такомъ направленіи привѣтствовало бы съ глубокою благодарностію всѣ не нѣмецкія народности нашего отечества, исповѣдующія лютеранскую вѣру.

Указаніе проф. ф. Бульмеринга, что прежде чѣмъ перейти къ преподаванію на русскомъ языкѣ на богословскомъ факультетѣ необходимо было бы перевести всѣ символическія книги, подъ наблюденіемъ генеральнаго синода, на русскій языкъ, по моему мнѣнію лишено основанія; развѣ въ университетскомъ преподаваніи пользуются, при изученіи важныхъ источниковъ, переводами, а не подлиннымъ текстомъ? Вообще предполагается, что преподаватель и студенты, богословскаго факультета въ достаточной мѣрѣ будутъ знакомы съ тѣми языками, древними и новыми, безъ которыхъ невозможно основательное изученіе богословскихъ наукъ.

Что же касается наконецъ мнѣнія, высказаннаго проф. ф. Бульмерингомъ, что для преподаванія богословскихъ наукъ на русскомъ языкѣ придется создать соотвѣтствующую русскую терминологию, что было бы сопряжено съ большими затрудненіями, то имъ упускается изъ виду то обстоятельство, что существуетъ русская богословская литература, между прочимъ и обличительная, содержащая въ себѣ детально разработанную богословскую терминологию, такъ что въ этомъ отношеніи потребуется не творческая работа, а лишь ознакомленіе съ уже существующею русскою терминологіею.

Профессоръ Т. Т. Ганъ: Причиною, вызвавшею постановку даннаго вопроса на очередь является то обстоятельство, что нѣмецкій языкъ является языкомъ враждебнаго намъ народа. Осмѣливаюсь однако обратить вниманіе на то, что нѣмецкій языкъ и германская имперія — совершенно различныя величины. На

нѣмецкомъ языкѣ говорятъ не только въ странѣ нашихъ непріятелей. Въ Швейцаріи, на примѣръ, существуетъ 3 богословскихъ факультета, на которыхъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ. Точно также и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, государственнымъ языкомъ коихъ является англійскій, во всѣхъ многочисленныхъ лютеранскихъ колледжахъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ. Для лютеранскаго богословія языкъ Лютера является классическимъ. Изъ этого, уже слѣдуетъ, что мы, лютеранскіе богословы должны по скольку возможно стараться сохранить его.

Кромѣ того имѣю честь обратить вниманіе Совѣта на то обстоятельство, что приведеніе этого предложенія въ исполненіе сопряжено съ громадными затрудненіями, ибо придется создавать на русскомъ языкѣ евангелическое богословіе и научную литературу по всѣмъ отраслямъ нашей науки, на что уже указалъ проф. фонъ Бульмерингъ.

Что же касается вопроса о необходимости евангелическаго богословія на русскомъ языкѣ, то мнѣ думается, что лютеранская церковь въ ней не нуждается; причемъ я вполне увѣренъ, что мое мнѣніе въ этомъ отношеніи совпадаетъ съ мнѣніемъ всего лютеранскаго духовенства въ нашемъ государствѣ, будь они эстонцы, латыши, поляки или нѣмцы. Что же касается другой стороны вопроса, по скольку русскій народъ нуждается въ созданіи лютеранскаго богословія на русскомъ языкѣ, то уже не мнѣ объ этомъ судить. Въ этомъ отношеніи уже товарищи другихъ факультетовъ могутъ дать болѣе авторитетныя сужденія. Я со своей стороны позволяю себѣ только замѣтить, что вся эта громадная работа принесетъ плоды, которыми сможетъ воспользоваться только та часть евангелической церкви, роднымъ языкомъ которой является русскій, существующая съ 1905 года. Ея характеръ, какъ извѣстно, методистическій и баптистическій. Для нея разумѣется было бы крайне полезно, если бы она пришла въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ здоровымъ научнымъ духомъ лютеранскаго богословія.

Кромѣ того я долженъ замѣтить, что, съ одной стороны, наша ев.-лютеранская церковь принципиально всегда была противъ всякой пропаганды среди христіанъ другихъ исповѣданій, и что, съ другой стороны, она всегда оказывалась благодарною за всякую данную ей возможность послужить нашему великому русскому государству, слава и благоденствіе котораго намъ дороги, и о

преуспѣваніи и процвѣтаніи котораго мы неустанно молимся, особенно въ это тяжелое время.

Въ виду этого я нахожу, что гораздо естественнѣе, чтобы не мы, говорящіе на другомъ языкѣ лютеране создавали той части евангелической церкви, роднымъ языкомъ которой является русскій, богословіе, но что она сама должна сдѣлать это, если хочетъ имѣть будущность и обезпечить свое дальнѣйшее развитіе. Русскій протестантскій богословскій языкъ можетъ нормально развиться только на почвѣ русской протестантской церкви.

Профессоръ К. К. Грассъ: Предложеніе проф. М. А. Сиринова не столько касается народности и языка, сколько религіи и вѣротерпимости. Наши ГОСУДАРИ ИМПЕРАТОРЫ покойные и нынѣ благополучно царствующій ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ II, единогласно постановили, чтобы инородные подданные молились Богу, Отцу Небесному, на родномъ языкѣ, такъ какъ изъ самой глубины сердца можно высказаться только на родномъ языкѣ, и мы съ земными отцомъ и матерью тоже говоримъ на родномъ языкѣ. Изъ этого, издавна въ нашемъ великомъ государствѣ господствующаго принципа вѣротерпимости, вытекала цѣлая система распоряженій, къ которымъ принадлежитъ и оставленіе безъ измѣненія прежняго преподавательскаго языка въ лютеранскомъ богословскомъ факультетѣ при нашемъ Университетѣ. Въ самомъ дѣлѣ, эта въ своихъ частяхъ до сихъ поръ послѣдовательная система была бы нарушена въ одномъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ введеніемъ русскаго языка для преподаванія, такъ какъ лютеране, для которыхъ русскій языкъ является роднымъ, составляютъ въ нашей Имперіи рѣдкія исключенія. Было бы даже не логично, если бы лютеранскіе пасторы и законоучители, которые во всѣхъ лютеранскихъ церквяхъ и во всѣхъ училищахъ, гдѣ достаточно число лютеранъ, совершаютъ богослуженіе и преподаютъ или только на нѣмецкомъ, или на нѣмецкомъ и еще другомъ инородческомъ языкѣ, изучали на русскомъ языкѣ, какъ совершать богослуженіе и преподавать законъ Божій. Чисто латышскихъ, эстонскихъ или польскихъ приходовъ нѣтъ; и латышскій, эстонскій и польскій пасторъ имѣетъ нѣмецкихъ прихожанъ и долженъ иногда проповѣдывать по-нѣмецки. Другое дѣло было бы закрытіе лютеранскаго богословскаго факультета и взамѣнъ того открытіе самостоятельной лютеранской академіи съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ. Что и противъ этого существуютъ принципиальныя сомнѣнія, доказалъ нашъ деканъ. Я покажу на другое. Я думаю, что такая акаде-

мія государственной казнѣ гораздо болѣе стоила бы, чѣмъ теперешній факультетъ. На жалованіе всѣхъ богословскихъ профессоровъ съ 20-ти процентной добавкою казна теперь расходуетъ въ годъ около 13000 рублей. Остальныя потребности факультета скромныя: одна аудиторія, 480 рублей, положенныхъ по штату 1865 г., на выписку богословскихъ книгъ и журналовъ Университетской бібліотекою и 100 рублей на приобрѣтеніе для коллекцій предметовъ по библейской и церковной археологіи необходимыхъ книгъ и картъ по смѣтѣ расходовъ специальныхъ средствъ Университета. Зато платятъ богословскіе студенты Университету ежегодно отъ 8000 до 9000 рублей. Я сомнѣваюсь, что наше Правительство согласно будетъ на большіе расходы для научной подготовки лютеранскихъ богослововъ какъ разъ въ теперешнее время, когда почти каждая копейка нужна на потребности нашей великой отечественной войны. Что касается наконецъ того иногда въ частныхъ разговорахъ со стороны нѣкоторыхъ коллегъ высказаннаго мнѣнія, что лютеранскій богословскій факультетъ при православномъ русскомъ Университетѣ аномалія, то я укажу на то, что существуетъ на свѣтѣ совершенно аналогичное явленіе, именно въ Черновицахъ. Тамъ богословскій факультетъ православный и читаетъ лекціи на русскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ профессора остальныхъ факультетовъ католики или лютеране и читаютъ по-нѣмецки. Едва ли кто-либо изъ насъ считалъ бы цѣлесообразнымъ постановленіе Черновицкаго университета, въ силу котораго на православномъ богословскомъ факультетѣ было бы введено преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ или названный факультетъ былъ бы упраздненъ.

Профессоръ А. С. Невзоровъ: Пренія по вопросу велись нѣсколько въ приподнятомъ настроеніи, вслѣдствіе чего допущено нѣсколько ошибокъ, на которыя я и хочу обратить вниманіе.

Указывалось на то, что во время войны возбуждать вопросъ объ отдѣленіи теологическаго факультета значитъ бороться съ противникомъ со связанными руками. Полагаю, что члены теологическаго факультета во время настоящей войны являются не противниками, а должны быть соратниками въ общемъ дѣлѣ. Посему ихъ при обсужденіи настоящаго вопроса нельзя рассматривать противниками со связанными руками.

Въ пылу спора сдѣлано фактически невѣрное указаніе, будто въ здѣшнемъ краѣ христіанство внесено нѣмцами. Исторія сви-

дѣтельствуесть, что задолго до нашествія нѣмцевъ въ Прибалтійскій край христіанство (православіе) внесено сюда славянами, русскими изъ Полоцкаго княжества. Ярославъ, заложившій г. Юрьевъ въ 1030 г., лучъ христіанства бросилъ и въ нашъ городъ. Христіанство вводилось русскими безъ всякаго насилія надъ туземцами, которыхъ впослѣдствіи нѣмцы крестили огнемъ и мечомъ. Указывалось, что Университету неудобно закрывать ученыя свои учрежденія. Но въ предложеніи, которое разсматривается, идетъ рѣчь не о закрытіи, а лишь объ его отдѣленіи отъ университета, что въ своихъ изустныхъ объясненіяхъ подчеркивалъ инициаторъ предложенія. Если бы даже велась рѣчь о закрытіи факультета, то въ исторіи Юрьевскаго университета нашлось бы немало прецедентовъ закрытія тѣхъ или другихъ его ученыхъ учреждений: профессорскій институтъ, дипломатическое отдѣленіе, политико-экономическое отдѣленіе были закрыты и отъ того научное значеніе и достоинство университета нисколько не пострадало.

Сводя вопросъ, вопреки желанію инициатора предложенія, на конфессіональную почву, выставляя разумное требованіе, чтобы нѣмцамъ не препятствовали молиться по-нѣмецки, отстаивая и на будущее время преподаваніе на теологическомъ факультетѣ на нѣмецкомъ языкѣ, совершенно непослѣдовательно проводятъ по отношенію къ полякамъ, эстамъ, латышамъ въ сущности ту несправедливую мысль, чтобы заставить ихъ учиться молиться на нѣмецкомъ языкѣ.

Невѣрно утвержденіе, будто языкъ лютеранскаго богослуженія нѣмецкій. Наличие лютеранскихъ богослуженій въ Юрьевѣ на эстонскомъ, въ Ригѣ на латышскомъ языкѣ наглядно опровергаетъ это утвержденіе.

Говорятъ, что прежде, чѣмъ перейти на русскій преподавательскій языкъ въ теологическомъ факультетѣ, необходимо создать русскій богословскій языкъ. Создавать его не приходится уже потому одному, что существуетъ богатая русская богословская литература, которая въ избыткѣ владѣетъ богословскими терминами, реченіями и выраженіями.

Для студентовъ теологическаго факультета преподаваніе на русскомъ языкѣ не создастъ затрудненій. Во 1-хъ, всѣ они окончили курсъ въ русскихъ гимназіяхъ съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ. Во 2-хъ, для нихъ и сейчасъ проф. Озе читаетъ лекціи по философіи на русскомъ языкѣ. И студенты не затрудняются ихъ слушать.

Въ то время, какъ преподаваніе на всѣхъ остальныхъ факультетахъ Юрьевскаго университета постепенно перешло на русскій языкъ, оставляя съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ одинъ теологическій факультетъ является крайней непоследовательностью.

Преподаваніе на русскомъ языкѣ возможно и на теологическомъ факультетѣ и къ этому преподаванію и слѣдуетъ перейти.

Если же г. г. члены теологическаго факультета почему-либо это не находятъ возможнымъ, то не останется другого выхода изъ создавшагося положенія, какъ только отдѣленіе теологическаго факультета отъ университета.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ является Покровителемъ христіанскихъ церквей въ Россіи. Таковымъ Онъ останется независимо отъ того, будетъ ли теологическій факультетъ при университетѣ, будутъ ли на немъ вестись чтенія лекцій на русскомъ или иномъ языкѣ, будетъ ли факультетъ отдѣленъ отъ университета или выдѣленъ въ особое учрежденіе.

Профессоръ К. Ю. Гиргенсонъ: Пренія уже приближаются къ концу. Поэтому я могу резюмировать сказанное и ограничиться нѣкотрыми краткими соображеніями.

Я очень сожалью, что осталось почти незамѣченнымъ мое предложеніе передать это дѣло сперва на разсмотрѣніе богословскаго факультета. Поэтому профессора богословія могли высказаться по этому дѣлу лишь попутно, а правильные методы преподаванія богословской науки были указаны главнымъ образомъ профессорами другихъ факультетовъ. Профессоры Фельсбергъ и Озе и другіе многоуважаемые коллеги имѣютъ, конечно, полное право высказаться, какъ, по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы преподавать богословіе. Однако фактическое исполненіе ихъ пожеланія лежитъ не на нихъ, но на насъ, такъ какъ мы, богословы, напомнимъ должны фактически преподавать богословіе. Поэтому понецъ должны фактически преподавать богословіе. Поэтому понятно, что мы яснѣе видимъ всѣ трудности факческаго исполненія тѣхъ программъ, о которыхъ говорили предыдущіе ораторы. Мнѣ приходилось услышать во время преній много страннаго для представителя богословской науки. Такъ наприимѣръ, богословская терминологія обсуждалась съ точки зрѣнія математической терминологіи. Развѣ можно не видѣть существенной разницы между ними? Кромѣ того было высказано мнѣніе, будто созданіе терминологіи для лютеранскаго богословія на русскомъ языкѣ не представляетъ никакихъ затрудненій, такъ какъ эта терминологія

уже существуетъ въ „обличительномъ“ православномъ богословіи, которое между прочимъ и занимается критическимъ разборомъ лютеранскаго ученія. Я удивляюсь, какъ профессоръ именно историко-филологическаго факультета можетъ совѣтовать заимствовать научный языкъ у противника, желающаго опровергать тѣ научныя понятія, о которыхъ онъ говоритъ. Какая же это будетъ наука?!

Далѣе, я хочу вкратцѣ остановиться на одномъ неправильномъ аргументѣ, который часто повторялся. Много говорилось о правахъ латышей, эстовъ и поляковъ. Этихъ правъ никто не оспариваетъ. Они всѣ имѣютъ богослуженія на своемъ родномъ языкѣ, и что касается преподаванія практическаго богословія на богословскомъ факультетѣ, то всѣмъ извѣстно, что проектъ новыхъ кафедръ на латышскомъ и эстонскомъ языкахъ находится въ комиссіяхъ Государственной Думы и весьма близокъ къ окончательному рѣшенію. Но это не имѣетъ никакой связи съ предложеніемъ профессора Сиринова, въ которомъ говорится не о томъ, что слѣдуетъ дать латышамъ и эстамъ, а о томъ, что нужно отнять у лютеранъ нѣмецкаго происхожденія. Статистикъ намъ сказалъ, что лютеране нѣмецкаго происхожденія составляютъ менѣе 50% всего лютеранскаго населенія Россіи. Я этого не отрицаю, но на этотъ фактъ можно смотрѣть и съ другой точки зрѣнія. Роднымъ языкомъ почти для 50% лютеранъ Россійской имперіи является нѣмецкій языкъ; ни одна изъ другихъ народностей не представляетъ такого же высокаго процента во отношеніи къ числу всѣхъ лютеранъ. Если, кромѣ того, принять въ вниманіе, что, согласно историческому возникновенію и развитію лютеранскаго богословія, внѣ всякаго сомнѣнія, невозможно заниматься серьезно и основательно научнымъ изученіемъ лютеранскаго богословія, не владѣя вполнѣ нѣмецкимъ языкомъ, то теперешнее положеніе преподавательскаго языка на богословскомъ факультетѣ является вполнѣ естественнымъ.

Наконецъ, я хочу благодарить тѣхъ ораторовъ, которые во время преній заступились за интересы нашего факультета, а именно господъ профессоровъ Б. В. Никольскаго и Ѳ. В. Тарановскаго. Я ихъ особенно благодарю за то, что они въ красивой и изящной формѣ выражали тѣ соображенія и чувства, которыя въ собраніи русскихъ профессоровъ не можетъ выразить человѣкъ нерусскаго происхожденія, если онъ обладаетъ хоть сколько-нибудь тактомъ. Я возвращаюсь къ одной мысли ихъ рѣчей, а именно, что обсуждаемый нами вопросъ въ настоящее

время менѣе всего можетъ быть разсмотрѣнъ объективно и безпристрастно. Поэтому, я прошу господъ коллегъ или совсѣмъ отклонить предложеніе профессора Сиринова, или, по крайней мѣрѣ, отложить рѣшеніе этого дѣла до наступленія мирнаго времени.

Профессоръ М. Е. Красноженъ: Главною существенною особенностью бывшаго Дерптскаго университета являлся существующій и до настоящаго времени протестантскій богословскій факультетъ. Если въ составѣ русскихъ университетовъ мы не встрѣчаемъ даже православныхъ богословскихъ факультетовъ, которые на самомъ дѣлѣ могли бы быть органически связаны съ прочими факультетами нашихъ университетовъ, то тѣмъ болѣе неестественнымъ представляется существованіе въ преобразованномъ русскомъ Юрьевскомъ университетѣ, большинство студентовъ котораго въ настоящее время принадлежитъ къ православному исповѣданію, протестантскаго богословскаго факультета. Въ особенности неестественнымъ и нежелательнымъ будетъ дальнѣйшее существованіе при Юрьевскомъ университетѣ протестантскаго богословскаго факультета, на которомъ преподаваніе всѣхъ наукъ и теперь, когда наши воины проливаютъ кровь въ жестокой войнѣ съ забывшими всѣ Божескіе и человѣческіе законы безчеловѣчными нѣмцами, все еще происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ, въ случаѣ эвакуаціи нашего университета въ коренной русской городъ Нижній Новгородъ; едва ли это будетъ желательно и самому богословскому факультету.

Вотъ почему я покорнѣйше прошу поставить на рѣшеніе Совѣта вопросъ о выдѣленіи богословскаго факультета, въ виду возможнаго перевода Юрьевскаго университета изъ гор. Юрьева въ Нижній Новгородъ, въ особое самостоятельное высшее учебное заведеніе, по образцу уже существующей въ Петроградѣ римско-католической духовной академіи, такъ какъ пока Юрьевскій Университетъ будетъ, въ исключеніе противъ прочихъ русскихъ университетовъ, имѣть въ своемъ составѣ протестантскій богословскій факультетъ съ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія, — онъ русскимъ университетомъ быть не можетъ. Да и для самаго богословскаго факультета, не находящагося въ настоящее время ни въ какомъ отношеніи къ прочимъ факультетамъ Юрьевскаго университета, стоящаго отъ нихъ совершенно обособленно, полезнѣе и цѣлесообразнѣе выдѣлиться въ особое самостоятельное учено-учебное заведеніе.

Ректоръ докладываетъ Совѣту, что происшедшій обмѣнъ

мнѣній достаточно выяснилъ разсматриваемое дѣло. На рѣшеніе Совѣта поставлено нѣсколько предложеній.

Первымъ изъ нихъ въ хронологическомъ порядкѣ идетъ предложеніе проф. Сиринова: возбудить ходатайство о замѣнѣ нѣмецкаго языка преподаванія на теологическомъ факультетѣ русскимъ или даже о полномъ упраздненіи факультета.

Вторымъ является предложеніе профессоровъ Гиргенсона и фонъ Бульмеринга — отложить разсмотрѣніе вопросовъ, поставленныхъ въ предложеніи проф. Сиринова, до наступленія мирнаго времени.

Это предложеніе, хотя хронологически и выступаетъ вторымъ, но, при голосованіи, можетъ быть поставлено и первымъ, такъ какъ принятіе этого предложенія Совѣтомъ устранить необходимость въ немедленномъ постановленіи рѣшенія относительно предложенія проф. Сиринова.

Далѣе идутъ: предложеніе профессора Фельсберга и предложеніе проф. Озе, которыя, въ случаѣ согласія ихъ авторовъ, могутъ быть соединены въ одно предложеніе, но, въ виду выраженнаго несогласія со стороны авторовъ, должны быть проголосованы въ отдѣльности.

Предложеніе проф. Фельсберга является по счету третьимъ и состоитъ въ томъ, чтобы Богословскій Факультетъ сохранить, преподаваніе въ немъ вести на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ догматики и практическаго богословія, которыя должны быть преподаваемы на языкахъ народностей русскаго государства, исповѣдующихъ лютеранство.

Предложеніе проф. Озе занимаетъ четвертое мѣсто и заключается въ томъ, чтобы, въ случаѣ сохраненія Богословскаго Факультета при Университетѣ, вести преподаваніе въ немъ на русскомъ языкѣ по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ практическаго богословія, которое должно быть преподаваемо на языкахъ народностей русскаго государства, исповѣдующихъ лютеранство.

Наконецъ, пятымъ идетъ предложеніе профессора Красножена — выдѣлить Богословскій Факультетъ въ особое учебное заведеніе, по примѣру Римско-Католической Духовной Академіи.

Признавая дѣло достаточно выясненнымъ, Ректоръ предлагаетъ закончить пренія и перейти къ постановкѣ вопросовъ на голосованіе.

Предложеніе принято.

Проф. Д. Н. Кудрявскій указываетъ на то, что, по его

мнѣнію, на голосованіе должно быть поставлено только предложеніе проф. Сиринова въ томъ видѣ, какъ оно имъ изложено письменно, что же касается другихъ предложеній, которыя возникли попутно во время преній, то ихъ не слѣдуетъ ставить на баллотировку, такъ какъ они въ Совѣтѣ не обсуждались.

Проф. М. Е. Красноженъ предлагаетъ снять съ очереди обсужденіе предложенія проф. М. А. Сиринова.

Ректоръ объясняетъ, что предложеніе профессора Сиринова имѣетъ точно опредѣленное содержаніе, выраженное въ письменной формѣ самимъ авторомъ еще въ сентябрѣ прошлаго 1914 г., нѣсколько разъ повторенное на повѣсткахъ совѣтскихъ засѣданій и стоящее на повѣсткѣ происходящаго засѣданія. Отказаться отъ постановки этого предложенія въ его полномъ точномъ видѣ на голосованіе имѣетъ право только самъ авторъ этого предложенія, проф. Сириновъ, а такъ какъ онъ ушелъ изъ засѣданія, то на ректорѣ, какъ на предсѣдателѣ Совѣта, лежитъ обязанность поставить на голосованіе это предложеніе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно сдѣлано профессоромъ Сириновымъ и поставлено на повѣсткѣ засѣданія. Если же кому-нибудь изъ Членовъ Совѣта угодно измѣнить или расчленить это предложеніе, то онъ долженъ внести соотвѣтствующее предложеніе уже отъ своего имени, и тогда это предложеніе будетъ поставлено на голосованіе, такъ какъ Ректоръ обязанъ ставить на голосованіе всѣ законныя предложенія Членовъ Совѣта, относящіяся къ дѣлу.

Въ виду спора о порядкѣ постановки предложенія проф. Сиринова и предложенія профессоровъ Гиргенсона и фонъ Бульмеринга на голосованіе, Ректоръ, на основаніи § 12 Правилъ дѣлопроизводства, поставилъ на голосованіе вопросъ: угодно ли Совѣту поставить первымъ на голосованіе предложеніе проф. Сиринова?

Этотъ вопросъ рѣшенъ отрицательно большинствомъ 20 голосовъ противъ 12.

Вслѣдъ затѣмъ поставлены Ректоромъ на голосованіе: предложеніе профессоровъ Гиргенсона и фонъ Бульмеринга, предложеніе проф. Сиринова, предложеніе проф. Фельсберга, предложеніе проф. Озе и предложеніе проф. Красножена.

Первымъ подвергнуто голосованію предложеніе профессоровъ Гиргенсона и фонъ Бульмеринга — отложить разсмотрѣніе вопросовъ, поставленныхъ въ предложеніи проф. Сиринова, до наступленія мирнаго времени.

Въ пользу этого предложенія подано 8 голосовъ профессорами:

фонъ Бульмерингомъ, Штуховымъ, Дегіо, Гиргенсономъ, А. А. Алексѣевымъ, Зеземаномъ, Грассомъ, Ганомъ, а противъ — 24 голоса: Ректоромъ Пусторослевымъ и профессорами: Томсономъ, Никольскимъ, Тарановскимъ, Лаппо, Сентъ-Илеромъ, Кудрявскимъ, Мазингомъ, Садовскимъ, Озе, В. П. Курчинскимъ, Игнатовскимъ, Красноженомъ, Квачалой, барономъ Фрейтагъ - Лоринговенномъ, Невзоровымъ, Тарасенко, Боголюбовымъ, Адольфи, Жуковскимъ, Люткевичемъ, Фельсбергомъ, Ландезеномъ и Богушевскимъ.

Вторымъ голосовалось предложеніе профессора Сиринова — возбудить ходатайство о замѣнѣ нѣмецкаго языка преподаванія на теологическомъ факультетѣ русскимъ или даже о полномъ упраздненіи факультета.

Въ пользу этого предложенія поданъ одинъ голосъ профессоромъ Томсономъ, а противъ — 22 голоса: Ректоромъ Пусторослевымъ и профессорами: Никольскимъ, Тарановскимъ, Лаппо, Сентъ-Илеромъ, Кудрявскимъ, фонъ Бульмерингомъ, Мазингомъ, Садовскимъ, Квачалой, барономъ Фрейтагъ-Лоринговенномъ, Дегіо, Гиргенсономъ, Тарасенко, Зеземаномъ, Боголюбовымъ, Адольфи, Люткевичемъ, Фельсбергомъ, Грассомъ, Ландезеномъ, Ганомъ. Восемь профессоровъ: Озе, В. П. Курчинскій, Игнатовскій, Красноженъ, Невзоровъ, Алексѣевъ, Жуковскій и Богушевскій — воздержались отъ голосованія.

Третьимъ поставлено на голосованіе предложеніе профессора Фельсберга — Богословскій Факультетъ сохранить, преподаваніе въ немъ вести на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ догматики и пракческаго богословія, которыя должны быть преподаваемы на языкахъ народностей русскаго государства, исповѣдующихъ лютеранство.

Въ пользу этого предложенія подано 10 голосовъ: Ректоромъ Пусторослевымъ и профессорами: Томсономъ, Озе, Игнатовскимъ, Квачалой, Боголюбовымъ, Жуковскимъ, Люткевичемъ, Фельсбергомъ и Богушевскимъ, а противъ — 13 голосовъ профессорами: Кудрявскимъ, фонъ Бульмерингомъ, Мазингомъ, В. П. Курчинскимъ, Красноженомъ, барономъ Фрейтагъ-Лоринговенномъ, Дегіо, Гиргенсономъ, Невзоровымъ, Зеземаномъ, Адольфи, Грассомъ и Ганомъ. Воздержалось отъ голосованія восемь профессоровъ: Никольскій, Тарановскій, Лаппо, Сентъ-Илеръ, Садовскій, Тарасенко, А. А. Алексѣевъ и Ландезенъ.

Четвертымъ подвергнуто голосованію предложеніе проф. Озе — въ случаѣ сохраненія Богословскаго Факультета при Университетѣ, вести преподаваніе въ немъ на русскомъ языкѣ по всѣмъ

предметамъ, за исключеніемъ практическаго богословія, которое должно быть преподаваемо на языкахъ народностей русскаго государства, исповѣдующихъ лютеранство.

Въ пользу этого предложенія подано 13 голосовъ профессорами: Томсономъ, Никольскимъ, Озе, В. П. Курчинскимъ, Игнатовскимъ, Красноженомъ, Квачалой, Невзоровымъ, Боголюбовымъ, Жуковскимъ, Люткевичемъ, Фельсбергомъ и Богушевскимъ, а противъ — 13 голосовъ: Ректоромъ Пусторослевымъ и профессорами: Тарановскимъ, Кудрявскимъ, фонъ Бульмерингомъ, Мазингомъ, барономъ Фрейтагъ-Лоринговымъ, Дегію, Гиргенсономъ, Зеземаномъ, Адольфи, Грассомъ, Ландезеномъ и Ганомъ. Воздержалось отъ голосованія 5 профессоровъ: Лаппо, Сентъ-Илеръ, Садовскій, Тарасенко и А. А. Алексѣевъ.

Пятымъ голосовалось предложеніе проф. Красножена — выдѣлить Богословскій Факультетъ въ особое учебное заведеніе, по примѣру Римско-Католической Духовной Академіи.

Передъ голосованіемъ этого предложенія профессоръ Красноженъ заявилъ, что, въ случаѣ отрицательнаго рѣшенія вопроса, онъ подастъ особое мнѣніе.

Въ пользу предложенія проф. Красножена подано 11 голосовъ профессорами: Никольскимъ, Озе, В. П. Курчинскимъ, Игнатовскимъ, Красноженомъ, Квачалой, Невзоровымъ, Боголюбовымъ, Жуковскимъ, Люткевичемъ и Богушевскимъ, а противъ — 14 голосовъ: Ректоромъ Пусторослевымъ и профессорами: Томсономъ, Кудрявскимъ, фонъ Бульмерингомъ, Мазингомъ, барономъ Фрейтагъ-Лоринговымъ, Дегію, Гиргенсономъ, Зеземаномъ, Адольфи, Фельсбергомъ, Грассомъ, Ландезеномъ и Ганомъ. Воздержалось отъ голосованія 6 профессоровъ: Тарановскій, Лаппо, Сентъ-Илеръ, Садовскій, Тарасенко, А. А. Алексѣевъ. Проф. М. Е. Красноженъ заявилъ о подачѣ особаго мнѣнія.

Свое воздержаніе отъ голосованія проф. Тарановскій мотивировалъ слѣдующимъ образомъ: „Вопросъ о выдѣленіи Богословскаго Факультета изъ состава нашего университета въ самостоятельное учрежденіе признаю по существу весьма важнымъ и заслуживающимъ вниманія какъ съ академической, такъ и съ общегосударственной точки зрѣнія. Полагаю однако, что его нельзя рѣшать въ настоящее военное время, въ особенности въ сегодняшнемъ засѣданіи, когда такого рода предложеніе впервые внесено и не могло быть подвергнуто всестороннему обсужденію. На этомъ основаніи воздерживаюсь отъ подачи голоса“.

Проф. И. И. Лаппо воздержался отъ голосованія, полагая, что для рѣшенія вопроса о переходѣ Богословскаго Факультета къ русскому языку преподаванія необходимъ обстоятельный докладъ Совѣту совѣтской комиссіи при участіи представителей Богословскаго Факультета, детально выясняющій возможность данной реформы по научнымъ условіямъ преподаванія.

Этотъ протоколъ прочитанъ въ засѣданіи 1 апрѣля и признанъ правильнымъ.

По прочтеніи протокола, заслушано особое мнѣніе г. проф. М. Е. Красножена.

По заслушаніи этого особаго мнѣнія, г. Ректоръ предложилъ вопросъ, остается ли Совѣтъ, въ лицѣ своихъ членовъ, присутствующихъ въ сегодняшнемъ засѣданіи и присутствовавшихъ въ засѣданіи 22 августа 1915 г., при своемъ прежнемъ отрицательномъ рѣшеніи по отношенію къ предложенію г. проф. М. Е. Красножена.

Въ пользу прежняго отрицательнаго рѣшенія подано 13 голосовъ, противъ — 6 голосовъ.

Совѣтомъ постановлено напечатать вмѣстѣ съ протоколомъ особое мнѣніе проф. М. Е. Красножена¹⁾.

Проф. М. Е. Красноженъ просилъ записать въ протоколъ, что его особое мнѣніе было заслушано въ 1 часъ 20 м. ночи 2-го апрѣля, при чемъ изъ 31 лица, участвовавшаго въ голосованіи его предложенія 22 августа 1915 г., присутствовали и участвовали въ голосованіи лишь 19 человекъ.

Проф. К. Ю. Гиргенсонъ просилъ занести въ протоколъ, что заслушаніе и голосованіе особаго мнѣнія проф. М. Е. Красножена состоялось при законномъ кворумѣ.

Ректоръ П. Пусторослевъ.

Профессоры: Б. Никольскій.

А. Невзоровъ.

А. Садовскій.

Н. Боголюбовъ.

О. Зеземанъ.

А. Богоявленскій.

П. Граве.

1) Особое мнѣніе проф. М. Е. Красножена напечатано вслѣдъ за протоколомъ.

К. Гиргенсонъ.
 Г. Адольфи.
 И. Лапо.
 Т. Ганъ.
 А. Люткевичъ.
 К. Грассъ.
 Г. Ландезенъ.
 В. Курчинскій.
 Е. Озе.
 Л. Мазингъ.
 Б. Срезневскій.
 А. Яроцкій.
 Е. Пѣтуховъ.
 А. Игнатовскій.
 Е. Шепилевскій.
 А. Бульмерингъ.

Ушелъ изъ засѣданія въ 12 ч. ночи. **Θ. Тарановскій.**

При подписаніи сего протокола считаю нужнымъ заявить, что я ушелъ изъ засѣданія въ 12 часовъ ночи, не предполагая, что будетъ разсматриваться столь важное дѣло, изложенное въ особомъ мнѣніи проф. М. Е. Красножена. Считаю совершенно противозаконнымъ заслушаніе особаго мнѣнія черезъ семь мѣсяцевъ послѣ его подачи и при томъ въ концѣ учебнаго года, когда профессора уже разъѣзжаются, и послѣ полуночи, когда возможно лишь разсмотрѣніе формальныхъ дѣлъ. **В. Алексѣевъ¹⁾.**

В ѣ р н о : Секретарь Совѣта В. Вознесенскій.

1) Примѣчаніе Ректора. Когда въ началѣ засѣданія Совѣта по вопросу о Богословскомъ Факультетѣ, 22 августа 1915 г., были заявлены требованія о составленіи особаго протокола по этому дѣлу, и было постановлено Совѣтомъ, чтобы этотъ протоколъ, по утвержденіи его Совѣтомъ, былъ напечатанъ въ Ученыхъ Запискахъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета; тогда я тотчасъ обратился къ членамъ Совѣта съ просьбой, чтобы каждый, кто будетъ говорить по этому дѣлу, представилъ Секретарю Совѣта письменное изложеніе произнесенной имъ рѣчи.

Эта просьба, вполне соответствующая многолѣтнему установившемуся обычаю въ Совѣтѣ, была встрѣчена общимъ одобреніемъ.

Сознавая невозможность составленія протокола по этому дѣлу къ слѣдующему засѣданію Совѣта, назначенному на 25 августа 1915 г., но

Въ Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета ординарнаго профессора сего Университета Михаила Красножона по вопросу о выдѣленіи богословскаго факультета въ особое высшее учебное заведеніе

особое мнѣніе.

Въ засѣданіи Совѣта 22 августа 1915 года, послѣ того какъ предложеніе проф. Э. Р. Фельсберга „богословскій факультетъ сохранить, преподаваніе въ немъ вести на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ догматики и практическаго богословія, которыя должны быть преподаваемы на языкахъ народностей русскаго го-

желая составленія этого протокола, по крайней мѣрѣ, къ одному изъ ближайшихъ засѣданій, я обратился 27 августа 1915 г. къ членамъ Совѣта, участвовавшимъ въ обмѣнѣ мнѣній по вопросу о Богословскомъ Факультетѣ въ засѣданіи 22 августа, съ циркулярнымъ предложеніемъ о доставленіи мнѣ письменнаго изложенія содержанія произнесенныхъ ими рѣчей.

Но только очень немногіе изъ ораторовъ, а въ томъ числѣ и проф. М. А. Сириновъ, доставили изложеніе своихъ рѣчей въ концѣ августа. Другіе ораторы стали доставлять изложеніе своихъ рѣчей позднѣе. Несмотря на неоднократныя просьбы Секретаря Совѣта и мои обращенія, доставленіе изложенія рѣчей затянулось. А одинъ изъ самыхъ важныхъ ораторовъ доставилъ изложеніе своихъ рѣчей только въ 20-хъ числахъ марта мѣсяца 1916 г., къ засѣданію Совѣта, назначенному на 1 апрѣля 1916 г.

Признавая вопросъ о Богословскомъ Факультетѣ очень важнымъ и находя, что, съ точки зрѣнія логики, въ интересахъ правды, изложеніе содержанія рѣчей въ томъ протоколѣ, который будетъ заслушанъ Совѣтомъ и напечатанъ въ Ученыхъ Запискахъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета, должно, по возможности, соответствовать во всѣхъ существенныхъ чертахъ дѣйствительному содержанію рѣчей, произнесенныхъ въ засѣданіи Совѣта 22 августа 1915 г. по этому вопросу, я не имѣлъ возможности представить Совѣту протоколъ этого засѣданія раньше засѣданія Совѣта 1 апрѣля 1916 г.

А такъ какъ, по дѣйствующимъ правиламъ дѣлопроизводства въ Совѣтѣ, Правленіи и Факультетахъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета (§ 20), „представленныя особыя мнѣнія заслушиваются въ слѣдующемъ засѣданіи при чтеніи протокола предшествующаго засѣданія, вслѣдъ за соответствующими статьями, и до подписанія протокола“; то и особое мнѣніе орд. проф. М. Е. Красножона не могло быть заслушано въ Совѣтѣ ранѣе засѣданія 1 апрѣля 1916 г.

сударства, исповѣдающихъ лютеранство“, было отклонено (при чемъ въ пользу этого предложенія подано 10 голосовъ, противъ — 13, воздержалось отъ голосованія 8 человекъ), а также внесенное, затѣмъ, проф. Я. Ф. Озе предложеніе „въ случаѣ сохраненія богословскаго факультета при Университетѣ, вести преподаваніе на немъ на русскомъ языкѣ по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ практическаго богословія, которое должно быть преподаваемо на языкахъ народностей русскаго государства, исповѣдающихъ лютеранство“, при равенствѣ голосовъ (13 въ пользу предложенія проф. Озе; 13 — противъ; воздержавшихся отъ голосованія 5), голосомъ предсѣдателя г. Ректора ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета П. П. Пусторослева было отвергнуто, — поставлено было на баллотировку внесенное мною предложеніе о выдѣленіи богословскаго факультета Юрьевскаго Университета въ особое самостоятельное высшее учебное заведеніе по образцу существующей въ Петроградѣ римско-католической духовной академіи. Предложеніе это большинствомъ голосовъ (+ 11 — 14, при 6 воздержавшихся) было отклонено.

Вслѣдствіе такого постановленія Совѣта честь имѣю представить нижеслѣдующее мое особое мнѣніе.

Главною существенною особенностью бывшаго Дерптскаго Университета являлся существующій и до настоящаго времени протестантскій богословскій факультетъ. По § 1 устава Дерптскаго, нынѣ Юрьевскаго Университета (сравн. ст. 560 т. XI ч. I Св. Зак.), Университетъ этотъ состоитъ изъ пяти факультетовъ, какъ составныхъ частей одного цѣлаго. Факультеты сіи суть: богословскій, юридическій, медицинскій, историко-филологическій и физико-математическій. Между тѣмъ во всѣхъ прочихъ университетахъ Россійской Имперіи нормальное число факультетовъ четыре, а именно историко-филологическій, физико-математическій, юридическій и медицинскій (ст. 403 т. XI ч. I). Если въ составѣ русскихъ университетовъ мы не встрѣчаемъ даже православныхъ богословскихъ факультетовъ, которые могли бы находиться въ органической связи съ прочими факультетами нашихъ университетовъ, то тѣмъ болѣе неестественнымъ представляется существованіе протестантскаго богословскаго факультета въ преобразованіи русскомъ университетѣ, значительная часть студентовъ котораго принадлежитъ къ православному вѣроисповѣданію. Въ особенности же неестественнымъ является дальнѣйшее существованіе при Юрьевскомъ университетѣ протестантскаго богословскаго фа-

культета, съ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія, теперь, во время войны съ жестокимъ врагомъ русскаго народа, попирающимъ законы Божескіе и человѣческіе. Наконецъ, для самого богословскаго факультета Юрьевскаго университета полезнѣе и цѣлесообразнѣе выдѣлиться въ особое самостоятельное учебное заведеніе, по образцу римско-католической духовной академіи, учрежденной для высшаго образованія духовныхъ лицъ, предназначающихъ себя къ главнѣйшимъ должностямъ римско-католической іерархіи (ст. 103 т. XI ч. I Св. Зак. Уст. иностр. исповѣд.): насколько чужды и непонятны нужды прочихъ русскихъ факультетовъ Юрьевскаго университета протестантскому богословскому факультету, на столько же чужды интересы этого факультета большинству русскихъ профессоровъ прочихъ факультетовъ Юрьевскаго университета; оставаясь, по прежнему, въ составѣ Юрьевскаго университета, онъ будетъ стоять совершенно обособленно, такъ какъ въ русскомъ университетѣ — не мѣсто протестантскому богословскому факультету, да еще съ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія.

Юрьевъ, 5 сентября 1915 г.

Михаилъ Красноженъ.

В ѣ р н о: Секретарь Совѣта В. Вознесенскій.

Отдѣльный оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета“.

Типографія К. Маттисена, Юрьевъ, Лифл. губ.

37.60.7.344.